

УДК 141

В.А. Усольцев

V.A. Usoltsev

Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург

**ВЗГЛЯДЫ КНЯЗЯ П.А. КРОПОТКИНА И ПРОФЕССОРОВ
В.Ю. КАТАСОНОВА И С.С. СУЛАКШИНА НА ОБЩИНУ, ГОСУДАРСТВО И
СОЦИАЛИЗМ: МОСТ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ**

**VIEWS OF PRINCE P.A. KROPOTKIN AND PROFESSORS
V.YU. KATASONOV AND S.S. SULAKSHIN ON COMMUNE, STATE AND
SOCIALISM: A BRIDGE ACROSS THE CENTURY**

Ключевые слова: *государство, община, анархизм, социализм, общество, правительство, римская и народная традиции.*

Согласно воззрениям князя Кропоткина, история не представляет одной, непрерывной линии развития. Развитие, остановившееся в одной части света, всегда возобновлялось в другой. И каждый раз развитие начиналось с первобытного племени; затем оно переходило в стадию сельской общины; затем наступал период вольных городов и, наконец, период государства, во время которого развитие продолжалось некоторое время, но затем вскоре замирало. П.А. Кропоткин приходит к заключению о необходимости уничтожения государства. Эта концепция перекликается с современными теоретическими положениями В.Ю. Катасонова, характеризующими современную цивилизацию как новую религию - «религию денег». Показан путь отступления человеческой цивилизации от первых заповедей христианства, пленения ее ростовщицеством и превращения в «денежную цивилизацию». В.Ю. Катасонов приходит к выводу о необходимости уничтожения системы капитализма, заведшей человечество в тупик, и возвращения народов мира к экономике национального хозяйства. Взгляды П.А. Кропоткина перекликаются также с современной позицией С.С. Сулакшина, считающего, что социализм характеризует будущее человечества, принцип и природу самого целесообразного устройства жизни человеческого общества. С.С. Сулакшин призывает к тому, чтобы были извлечены уроки из нашего прошлого, чтобы стало очевидным, что социальность нельзя противопоставлять свободе. Идеологии есть всего три: социализм, либерализм и фашизм. Либерализм по закону социального развития неизбежно переходит в фашизм. Поэтому наряду со словом «социализм», этим раненым словом, есть ещё слова «нравственность», «справедливость». Будущее человека и человечества, как и содержание прогресса, — в социализированном устройении.

Key words: *the State, the community, anarchism, socialism, society, government, the Roman and folk traditions.*

According to the views of Prince Kropotkin, history does not represent a single, continuous line of development. Development stopped in one part of the world, reopened in another. And every time development started with a primitive tribe. It then passed to the stage of rural community; then came the period of free cities and, finally, the period during which the state development continued for some time, but then soon faded. P.A. Kropotkin finds that the state must be eliminated. This concept resonates with modern theoretical provisions by V.Yu. Katasonov, who characterizes the modern civilization as a new religion – «the religion of money». The gradual departure of human civilization from the first precepts of Christianity, making it hostage to usury and turning into «the money civilization» are shown. V.Yu. Katasonov reaches the conclusion that it is necessary to destroy capitalism which leads the humanity nowhere, and to return to the system of national economy. Views of P.A. Kropotkin coincide also with the modern position of the S.S. Sulakshin, believing that socialism characterizes the future of mankind, the principle and nature of the rational organization of human society. S.S. Sulakshin urged that lessons must be learned from our past and that it become apparent that sociality cannot oppose freedom. There are only three ideologies: socialism, liberalism and fascism. Liberalism according to the law of social development inevitably goes into fascism. So along with the wounded word "socialism", there is the words "morals", "justice". The future of man and mankind is socialised order.

«Подобно мятущемуся Бакунину, он доказывал верность своих идеалов собственной жизнью. Этим он самым решительным образом отличается от подавляющего большинства философов и политологов, социологов. Кто он? Знатный князь и революционер-народник, камер-паж императора Александра II, наследник богатых имений, бравадный офицер, теоретик анархизма, замечательный путешественник, ученый-первооткрыватель (географ, геолог), глубокий мыслитель. Уникально уже само по себе сочетание этих качеств. Но главное: велик он не тем, что достиг званий и должностей, а тем, что имел честь и мужество отказать от них во имя высоких идеалов и свободы» (Баландин, 2002).

В столетие революции 1917 года в наши дни появляется множество публикаций с анализом предреволюционной ситуации в России. Как могло случиться, что веками существовавшая царская династия в одночасье пала под натиском враждебных ей сил, исходящих из разных слоев общества? Исчерпала ли себя монархия как форма государственной власти или причина – в порочности самой идеи государства как формы управления сообществом людей? Накануне революции князем Петром Алексеевичем Кропоткиным был опубликован очерк под названием «Государство и его роль в истории», изданный в Москве Федерацией анархистских групп в 1917, но написанный ещё в 1896 году, в котором он придерживается второй из названных причин. Автор пытается обосновать своё понимание сущности государства и склонить к своему пониманию читателя путём глубокого исторического анализа роли государства в истории.

Князь Пётр Алексеевич Кропоткин (1842—1921).

В самом начале очерка П.А. Кропоткин (1917) пишет: «Социалисты разных оттенков расходятся главным образом по вопросу о государстве. Среди многочисленных фракций, существующих между ними и отвечающих разнице в темпераментах, в привычках мышления и особенно в степени доверия к надвигающейся революции, - можно проследить два главных направления. На одной стороне стоят все те, кто надеется осуществить социальную революцию посредством государства, сохраняя большую часть его отправлений и даже расширяя их и пользуясь ими для революции. А на другой стоят те, кто, подобно нам, видит в государстве ... препятствие для социальной революции, самое серьёзное препятствие для развития общества на началах равенства и свободы, так как государство представляет историческую форму, выработавшуюся и сложившуюся с целью помешать этому развитию. Люди, стоящие на такой точке зрения, стремятся поэтому не преобразовать, а совершенно уничтожить государство» (с. 3-4).

Для начала он предлагает определиться с понятием *государства*, которое часто смешивали либо с понятием *общества*, либо с понятием *правительства*. По П.А. Кропоткину, смешение понятий государства и общества идёт вразрез с историей, при этом забывается, что люди жили обществами многие тысячи лет, прежде чем сформировались государства, и «государство есть лишь одна из тех форм, которые общество принимало в течение своей истории» (с. 5). Он не согласен с трактовкой философами происхождения человеческих обществ, согласно которой люди вначале жили маленькими, враждующими между собой семьями, но однажды они поняли неудобство такого состояния, объединились и добровольно подчинились власти, которая с тех пор якобы стала определяющим фактором прогресса в человеческом обществе. «На самом деле, -

пишет автор, - все животные, за исключением лишь некоторых хищников и некоторых вымирающих видов, живут обществами. В борьбе за существование виды животных, живущих обществами, имеют всегда преимущество перед необщественными видами. В каждом классе животных они занимают вершину лестницы, и теперь не может быть никакого сомнения в том, что первые человекоподобные существа уже жили обществами. Общество не было выдуманно человеком; оно существовало раньше появления первых человекоподобных существ» (с. 7).

Предлагая различать понятия *государства* и *правительства*, П.А. Кропоткин пишет: «Понятие о государстве обнимает собою не только существование власти над обществом, но и *сосредоточение управления частною жизнью в одном центре, т.е. территориальную концентрацию*, а также *сосредоточение многих или даже всех управлений общественной жизни в руках немногих*. ...Чтобы понять, что такое государство, есть только один способ: это проследить его историческое развитие» (с. 5).

Исходным пунктом для человечества послужила не обособленная семья, а род или племя, а патриархальная семья появилась гораздо позднее. В первобытном племени семьи не существовало, как её нет и среди млекопитающих, живущих обществами. Десятки тысяч лет люди жили родами или первобытными племенами, сформировав целый ряд общественных обычаев задолго до появления патриархальной семьи.

Эти первобытные люди не только не презирали человеческой жизни, как это происходит в современных фашистских организациях, но даже испытывали отвращение к кровопролитию, и убийство члена своего племени было делом совершенно невозможным. При столкновениях между племенами господствовало одно общее правило: «Ваши убили или ранили одного из наших, поэтому мы вправе убить одного из ваших или нанести ему совершенно такую же рану», потому что за каждый поступок члена племени отвечало всё племя, и это было проявлением понятия справедливости не только в то время, но и в наше. В 1960-е годы в газетах прошло сенсационное сообщение, правда, больше похожее на анекдот. В одной из африканских стран посол Германии неосторожно углубился в джунгли и был съеден аборигенами. Международный скандал, нота протеста. Виновная сторона проиществе не драматизировала: она предложила исчерпать инцидент по справедливости, т.е. было предложено немцам скушать их посла в Германии.

В первобытном племени для поддержания племенной нравственности достаточно было силы обычая – никакой другой власти не существовало. Так или иначе, но постепенно в племени происходила дифференциация его членов по уровню интеллекта, объёму знаний, появились вожди. «Учёные того времени» - колдуны и знахари использовали свои знания природы, чтобы управлять своими соплеменниками. Статус, совершенно не совместимый и даже в некоторой степени противоположный статусу «учёных нашего времени» в условиях псевдолиберальной олигархии некоторых нынешних стран, особенно в современной России.

«Ученые того времени» в стремлении удержать своё право на управление людьми передавали свои знания в исключительных случаях и только избранным, и все религии, искусства, ремёсла были окружены различными таинствами. Во времена столкновений между племенами наиболее храбрый и хитрый становился военным вождём. Но союза между хранителем обычая (тогдашнего закона), военным вождём и колдуном тогда ещё не было. Поэтому возможности для возникновения *государства* среди этих первобытных племён не могло быть, так же, как в обществах пчёл и муравьёв.

Но в первые века нашего времени началось «великое переселение» племён. Возможно, под влиянием изменения тогдашнего климата, с азиатских плоскогорий они двинулись на запад, в современную Европу, смешиваясь и переплетаясь между собой. В хаосе переселений общность происхождения и обычаев племён была нарушена, ста-

рые связи были разорваны. Необходимы были новые связи, и их нашли в общинном владении *землей*, т.е. территорией проживания этих племён.

К тому же времени начинает формироваться патриархальная семья, и владение определённой территорией потребовало формирования нового соглашения. Вместо «богов-предков» появились местные боги лесов, долин, рек, давшие религиозное освящение новым общественным союзам. С этих пор и на все последующие века сельская община, состоящая уже из семей, в какой-то мере обособленных, стала связующим основанием нового народного союза. На необъятных пространствах Восточной Европы, Азии и Африки сельская община существовала в том или ином виде, по крайней мере, до конца XIX столетия. П.А. Кропоткин пишет, что под таким строем жили и разрушившие Римскую империю варвары, и славяне, и скандинавы, и благодаря изучению «варварских законов», к числу которых он относит и нашу «Русскую правду Ярослава», «стало возможным восстановить во всей её полноте ту форму общества, которая послужила исходной точкой нашей современной цивилизации» (с. 12). И далее рассматривает эту форму общества в деталях.

Сельская община, начиная с V и вплоть до XV века, состояла из отдельных семей, владеющих землей в каждой деревне сообща. По такому же принципу в России создавались общины из русских крестьян, свободно переселявшихся на огромные пространства Сибири. Трудились на земле сообща, но «потребление» происходило семейно. Местный обычай был законом, и правосудие осуществлял «мир», или сельский сход. И в этом общинном быте получили начало все последующие государственные учреждения, понятия о праве, формы судебной процедуры, а также распространённый в наше время суд присяжных.

Крестьянский общинный сход. Гравюра В.П. Рыбинского, 1859 г. (Кошкар, 2009).

Зауральские крестьяне проводят посевные работы. Начало XX в. (Кошкар, 2009).

Наказание кнутом в присутствии крестьянского схода. Гравюра XVIII в. Художник Х. Гейслер (Кошкар, 2009).

«братства», которые решают все те вопросы экономической и духовной жизни челове-

Но община не могла удовлетворить все потребности своих членов лишь результатами работы на земле, и формируются союзы общин, появляются купцы, ремесленники, люди искусства. Благодаря этим союзам развивалось сознание национального единства людей. Формируются «гильдии», «задруги», «университаты»,

ка, с которыми современные европейцы обращаются к государству. Сотни сёл объединяются в союзы – зачатки будущих европейских наций, - которые поддерживают внутренний мир и заключают договоры взаимной защиты.

Но постепенно на горизонте начинают появляться «чёрные точки». Забота о защите страны от новых пришельцев поручается одному человеку с воинственной дружиной, а остальные члены занимаются мирным трудом. Затем «защитник» начинает накапливать богатство и приобретает первые зачатки власти, а большинство его «подзащитных» начинает забывать предания и традиции, служившие ранее законом. Обособляются семьи, взявшие на себя соблюдение «закона» и в которых уже гнездятся зачатки власти.

«Таким образом, - констатирует П.А. Кропоткин, - создаётся первое “объединение властей”, первое общество для взаимного обеспечения господства, то есть союз между судьей и военачальником как сила, враждебная сельской общине. Обе эти должности соединяются в одном лице. ...Учёные того времени, т.е. знахари, волхвы и попы, оказывают ему поддержку и получают свою долю власти» (с. 18). Автор пытается объяснить, «почему свободные люди превратились постепенно в крепостных, обязанных работать на своих светских или духовных господ; как понемногу и как бы ошупью создавалась власть над деревнями и городами; как соединялись и восставали крестьяне, пытаясь бороться против этого растущего господства, и как они были побеждаемы в борьбе против крепких стен замков и против охраняющих их, с головы до ног вооруженных людей» (с. 19).

В XII веке по всей Европе вспыхивают восстания городских общин, и эти восстания спасли Европу от возможного ее засилья «варварскими монархиями». Это движение «..остановило развитие теократических и деспотических монархий, в которых наша цивилизация, вероятно, погибла бы после нескольких веков пышного показного могущества, как погибли цивилизации Месопотамии, Ассирии и Вавилона. Этой революцией началась новая полоса жизни – полоса свободных городских общин» (с. 19).

П.А. Кропоткин называет это движение «коммуналистическим» и пишет: «Восстание двенадцатого столетия нельзя приписать ни какой-нибудь выдающейся личности, ни какому-нибудь центральному учреждению. Оно представляет собою естественное явление роста человечества, подобное родовому строю и деревенской общине; оно принадлежит не какому-нибудь одному народу или какой-нибудь области, а известной ступени человеческого развития» (с. 20). Поэтому современные автору историки, воспитанные в духе римского права, восторгающиеся единым духом Римской империи, единым духом её законов, «красотой и гармонией её организации», и привыкшие смотреть на Рим (который фактически был не союзом граждан, а сборищем *подданных*) как на источник всех современных учреждений, не могли понять духа «коммуналистического движения двенадцатого века». За исключением разве что России, где влияние римского права было менее глубоким и где «Беляев, Костомаров, Сергеевич и некоторые другие превосходно поняли дух вечаго периода» (с. 20).

«Средневековая община, - пишет П.А. Кропоткин, - составила, с одной стороны, из сельской общины, а с другой – из множества союзов и гильдий, существующих вне территориальных границ. Она образовалась из федерации этих двух родов союзов под защитой городских стен и башен» (с. 20-21). Члены общины договаривались не обращаться в случае нужды ни к какому другому судье, кроме выбранных ими гильдейских или городских «синдиков». Все слободы и приходы, вошедшие в состав города, вместе с братствами и гильдиями составляли так называемую «дружбу» (*amitas*), выбирали своих судей и были верны союзу между всеми этими группами, скреплённому соответствующей хартией.

Сотни вольных городов жили без всякого другого права, кроме собственной воли, под защитой своих стен и копий, и это движение в течение одного столетия охвати-

ло всю Европу, включая Русь. «От Атлантического океана до Волги и от Норвегии до Италии вся Европа была покрыта подобными же вольными городами, из которых одни, как Флоренция, Венеция, Нюрнберг или Новгород, сделались многолюдными центрами, другие же оставались небольшими городами (подобно Пскову на Руси). ...В общих чертах, их внутреннее устройство было везде одно и то же. ...Во внешних сношениях каждый город имеет свои права современного государства. Именно в это время и создаётся, благодаря добровольному соглашению, та сеть договоров, которая потом стала известна под именем международного права; эти договоры находились под охраной общественного мнения всех городов и соблюдались лучше, чем теперь соблюдается международное право», - пишет П.А. Кропоткин (с. 22). И далее: «Под защитой своих вольностей, выросших на почве свободного соглашения и свободного почина, в этих городах возникла и развивалась новая цивилизация с такою быстротой, что ничего подобного этой быстроте в истории не встречается ни раньше, ни позже» (с. 27).

Об уровне культуры русского Средневековья свидетельствует В.В. Познер (2012). После посещения выставки с новгородскими иконами, писанными до татарского нашествия, он приходит к выводу: «Я вдруг отчетливо понял, что они, эти иконы, эта живопись ни в чем не уступают великому Джотто, что Россия тогда была “беременна” Возрождением, но роды прервали татаро-монголы. Кто-нибудь попытался представить себе, какой была бы Россия, не случись этого нашествия и двухсот пятидесяти лет ига? Если бы Русь, развивавшаяся в ногу с Европой, выдававшая своих княжон замуж за французских королей, не была отрезана на три долгих века от европейской цивилизации? Что было бы, если бы Москва Ивана III проиграла новгородскому вече? Что было бы, если бы Русь приняла не православие, а католицизм? Что было бы, если бы русское государство не заковало собственный народ в кандалы крепостничества? Что было бы, если бы всего лишь через пятьдесят с небольшим лет после отмены крепостного рабства не установилось рабство советское? Много вопросов, на которые нет ответов, а есть лишь мало чего стоящие догадки» (с. 31-32).

Конечно, в городах происходили распри разного характера, но П.А. Кропоткин видит в них положительное свойство и комментирует это следующими доводами: «Дело в том, что в вольных городах борьба шла для завоевания и сохранения свободы личности, за принцип федерации, за право свободного союза и совместного действия; тогда как государства воевали из-за подавления личности, за уничтожение свободного соглашения, за объединение всех своих подданных в одном общем рабстве перед королём, судьей и попом, т.е. перед государством. В этом и вся разница. Есть борьба, есть столкновения, которые убивают, и есть такие, которые двигают человечество вперёд» (с. 30).

«В шестнадцатом веке явились новые, современные варвары и разрушили всю эту цивилизацию средневековых вольных городов, - пишет далее П.А. Кропоткин. – Им, конечно, не удалось уничтожить её совершенно, но во всяком случае они задержали рост по крайней мере на два или на три столетия и дали ей другое направление. Они сковали по рукам и ногам личность, отняли у неё все вольности; они потребовали, чтобы люди забыли свои союзы, строившиеся на свободном почине и свободном соглашении, чтобы всё общество подчинилось решительно во всём единому повелителю... И кто же были эти варвары? – Никто иной, как государство – вновь возникший тройственный союз между военным вождём, судьей (наследником римских традиций) и священником, тремя силами, соединившимися ради взаимного обеспечения своего господства и образовавшими единую власть, которая стала повелевать обществом и, в конце концов, раздавила его» (с. 30).

Одной из причин, почему это удалось «новым варварам», стало то, что как древнегреческие города не сумели освободить рабов, так и средневековые города, освобождая горожан, не сумели в то же время освободить от крепостного рабства крестьян, да-

вавших основную силу вольным городам. А королевская власть постепенно складывалась именно в деревне, а не в вольных городах. Как в Европе, так и на Руси, постепенно сильному или более хитрому князю удавалось возвыситься над остальными. На Руси царская власть основалась «..в Кремле, построенном среди богатых деревень на берегу Москвы-реки, после неудачных попыток в Суздале и Владимире; но она никогда не могла укрепиться в Новгороде или в Пскове, Нюрнберге или во Флоренции» (с. 32-33).

Под влиянием, с одной стороны, христианской церкви, всегда старающейся наложить свою власть на души и результаты трудов верующих, а, с другой стороны, под влиянием римского права, которое делается любимым предметом изучения в университетах, старый федералистский дух свободного почина постепенно вымирал. «И богатые классы, и народ одинаково требовали спасителя себе извне, - пишет П.А. Кропоткин. – И когда этот спаситель явился, когда король, разбогатевший вдали от шумного городского веча, ..постучался в городские ворота с обещанием бедным своей мощной защиты от богатых, а богатым – защиты от мятежных бедных, города, уже носившие в себе самих яд власти, не были в силах ему сопротивляться. Они отперли королю свои ворота» (с. 36).

Королю, получившему власть, вольности народа были просто опасны. Уже указ английского короля Эдуарда III в конце XIV столетия гласит, что «все союзы, товарищества, собрания, организованные общества, статуты и присяги, уже установленные или имеющие быть установленными среди плотников и каменщиков, отныне будут считаться недействительными и упразднёнными» (с. 49). Затем, в начале XV века, при Генрихе VIII, государство без всяких церемоний конфискует имущество гильдий, что было настоящим дневным грабежом. Единственным судьей становилось государство как во внутренней жизни, так и во внешней торговле.

Власть (графический цикл «Каприччио»). Худ. С.И. Шиголев (группа «Амаравелла»).

«Результат вам известен, - пишет П.А. Кропоткин. – Задавленная этим контролем, промышленность в XVIII столетии вымирала. Куда, в самом деле, девалось искусство Бенвенуто Челлини под опекой государства? Оно умерло. А что случилось с архитектурой тех гильдий каменщиков и плотников, произведениям которых мы удивляемся до сих пор? Стоит лишь взглянуть на уродливые памятники государственного периода, чтобы сразу ответить, что архитектура замерла настолько, что и до сих пор ещё не может оправиться от удара, нанесённого ей государством. ..Таковы были результаты вмешательства государства... Всё, что оно сумело сделать, – это придавить, принизить работника, обезлюдить страну, посеять нищету в городах, довести миллионы людей в деревнях до голодания, - выработать систему промышленного рабства» (с. 52).

Далее П.А. Кропоткин показывает важность проблемы воспитания людей: «Но из всех перечисленных мною зол, едва ли не самое худшее – это воспитание, которое нам даёт государство, как в школе, так и в последующей жизни. Государственное воспитание так развращает наш мозг, что само понятие о свободе в нас исчезает и заменяется понятиями рабскими. ..Даже теория нравственности, которая в течение целых столетий проповедовала повиновение церкви или той или другой якобы священной книге, освобождается теперь от этих пут только затем, чтобы проповедовать повиновение государству. ..Если вы посмотрите на государство, каким оно явилось в истории и каким по существу своему продолжает быть и теперь; если вы убедитесь, ..что общественное учреждение не может служить безразлично *всем* целям, потому что, как всякий орган,

оно развивается ради одной известной функции, а не ради всех безразлично, - вы поймете, почему мы неизбежно приходим к заключению о необходимости уничтожения государства. Мы видим в нём учреждение, которое в течение всей истории человеческих обществ служило для того, чтобы мешать всякому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитию местного почина, душисть уже существующие вольности и мешать возникновению новых. И мы знаем, что учреждение, которое прожило уже несколько столетий и прочно сложилось в известную форму ради того, чтобы выполнить известную роль в истории, не может быть приноровлено к роли противоположной» (с. 56-58).

Заканчивается очерк П.А. Кропоткина следующими положениями: «История не представляет одной, непрерывной линии развития. По временам развитие останавливалось в одной части света, а затем возобновлялось в другой. Египет, Азия, берега Средиземного моря, центральная Европа поочередно перебивали арену исторического развития. И каждый раз развитие начиналось с первобытного племени; затем оно переходило в стадию сельской общины; затем наступал период вольных городов и, наконец, период государства, во время которого развитие продолжалось некоторое время, но затем вскоре замирало.

...На развалинах Римской империи цивилизация возродилась среди кельтских, германских, славянских и скандинавских племён. Медленно вырабатывало первобытное племя свои учреждения, пока они не приняли формы сельской общины. В этой стадии они дожили до двенадцатого столетия. Тогда возникли республиканские вольные города, породившие тот славный расцвет человеческого ума, о котором свидетельствуют нам памятники архитектуры, широкое развитие искусств и открытия, положившие основания нашему естествознанию. Но затем явилось на сцену государство и ... неужели опять смерть? Да, смерть – или возрождение! Смерть, если мы не сумеем перестроить общество на свободном, противогосударственном фундаменте.

...Через всю историю нашей цивилизации проходят два течения, две враждебные традиции: римская и народная; императорская и федералистская; традиция власти и традиция свободы. И теперь, накануне великой социальной революции, эти две традиции опять стоят лицом к лицу» (с. 61-62).

Петр Алексеевич Кропоткин - явление не только отечественной, но и мировой культуры. Весь свой могучий талант исследователя природы и общества он посвятил одной цели - сделать достойной жизнь человека, гармонизировать общественные и личные интересы, научить каждого ощущать себя органической частью природы. Оскар Уайльд сказал о нем: «Человек с душой того прекрасного Христа, который, кажется, идет из России», и написал сказку «Счастливый принц» («The Happy Prince» http://lib.ru/WILDE/wild_prince.txt), аллегорически показав радость дарить людям добро даже ценой собственных лишений.

В наши дни взгляды П.А. Кропоткина на общину развивает профессор МГИМО, председатель Русского экономического общества имени С.Ф. Шарапова Валентин Юрьевич Катасонов. В книге «О проценте ссудном, подсудном, безрассудном» (2011) он показывает, что современная «рыночная» экономика как проявление «денежной цивилизации» неизбежно ведет человечество к гибели. Зародившись в Древнем Вавилоне в виде ссудного процента, по катастрофическим последствиям равнозначного «вкушению запретного плода в раю», вирус ростовщичества постепенно поражал человечество. Он утверждает: «Капитализм как религиозно-духовное явление – это сатанизм. ...Самое чудовищное в религии денег – ее демонизм. Эта поистине сатанинская религия не соединяет людей, а наоборот, разъединяет, делает неравными, сребролюбивыми, злыми, эгоистами, просто-таки вытравливает человеческий облик. Мамона – это тот же сатана, только с пластиковой карточкой» (Катасонов, 2013. С. 348). Современное капиталистическое общество В.Ю. Катасонов оценивает как *антихристианское*, и возро-

дение Святой Руси возможно лишь при условии отказа от антихристианских принципов развития. Он цитирует отечественного ученого Алексея Гавриловича Махоткина (1946-2008): «Код русской цивилизации – совесть. Код западной цивилизации – выгода. Эти коды несовместимы и взаимоисключающи» и затем перефразирует его: «Код православной экономики – совесть. Код капиталистической экономики – выгода. Эти коды несовместимы и взаимоисключающи» (с. 350-351). Перечислив основные характеристики современного западного (американского) общества, В.Ю. Катасонов приходит к выводу, что американское общество – фашистское.

Катасонов Валентин Юрьевич (род. в 1950 г.).

В дореволюционной России более 80% населения составляли крестьяне, работавшие семейно, на общинных землях и следовавшие православным заповедям в рамках «малого социума». Труд был свободным и творческим, а распределение продуктов труда осуществлялось на принципах справедливости с неременным атрибутом христианской веры. Но вторжение капитализма в деревню на грани XIX и XX веков всё изменило, и в социальной жизни соблюдение этих норм стало невозможным. Отсутствие религиозно-духовных предпосылок для капитализма привело к тому, что русский народ после 1917 года повернул к социализму с его мифологией диктатуры пролетариата.

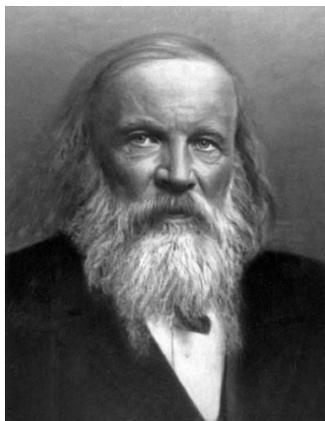
В.Ю. Катасонов полагает, что необходимо вернуться к идеалу христианской хозяйственной жизни – «святоотеческой» парадигме. В истории России она реализовывалась на уровне «малых социумов» (монастырской, крестьянской общин, артелей и т.п.) с их идеологией отсутствия стяжательства. В условиях России хорошо зарекомендовали себя промысловые артели: «В XVIII - начале XIX века, - пишет О.А. Платонов (2006), - артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что явилось одной из главных причин бурного развития крупной железоделательной промышленности, которая уже с 1730-х обогнала Англию. ... Не мы ввозили железо из-за границы, а наоборот, Запад потреблял ежегодно до 4 млн пудов русского железа. А это доказывает, что у нас железо производилось дешевле и лучшего качества» (с. 64).

Д.И. Менделеев считал, что в России крестьянская община могла стать основой не только аграрного, но и промышленного сектора экономики: «Общинное крестьянское землевладение, господствующее в России, включает в себе начала, могущие в будущем иметь большое экономическое значение. ... В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение. ... Ближайшим русским идеалом, отвечающим наибольшему благосостоянию нашего народа, должно считать общину, согласно – и под руководством лучших и образованнейших сочленов - ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике... - вот что одно может, по моему крайнему разумению, сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным» (цит. по: Катасонов, 2013. С. 371-372).

Выдающийся русский мыслитель, ученый и общественный деятель Сергей Фёдорович Шарапов подчеркивал, что экономическое возрождение России возможно лишь на фундаменте православия, крепкой церковной жизни, с опорой на приход как первичную ячейку общества, имеющую помимо всего ряд экономических функций (Катасонов, 2014).

Дореволюционная Россия располагала опытом создания коллективных хозяйств на христианских принципах, на основе «святоотеческой» хозяйственной парадигмы.

Наиболее поучительный пример – православное трудовое братство, организованное в конце XIX века русским аристократом Николаем Николаевичем Неплюевым. Цель его он формулирует так: «Осуществить христианство в несравненно большей степени, чем оно осуществляется в окружающей жизни, основать отношения и труд на единой христианской основе братолюбия» (цит. по: Катасонов, 2013. С. 375-376).

Менделеев Дмитрий Иванович (1834-1907)

Шарапов Сергей Фёдорович (1855-1911)

Неплюев Николай Николаевич (1851 —1908)

В основу Братства были заложены такие принципы, как «обособление от зла», «дисциплина любви», «системная благотворительность» и др. Н.Н. Неплюев считал, что там, где отсутствует внутренняя дисциплина христианской любви, появляется необходимость дисциплины страха и дисциплины корысти. Устав Братства утверждается Александром III, все его члены грамотны, читают книги и газеты, устраивают театральные постановки. Братство покупает самые современные машины и трактора, вводит севооборот, разводит лучшие породы скота, строит свою электростанцию, имеет телефон. Говоря современным языком, создается высокоэффективное производство с прочной социальной инфраструктурой. Братство продолжает развиваться и после смерти Н.Н. Неплюева и к 1922 году становится лучшим аграрным хозяйством России. Но в 1924 году начались аресты, и в 1930-х в период коллективизации хозяйство было уничтожено.

Одновременно стало поощряться создание из крестьянской гольтубы так называемых «коммун», просуществовавших недолго в условиях богоборчества, при отсутствии нравственной скрепы православия. Такие «коммуны» под названием «Новый мир» и «Красный борец» в 1921 году были организованы недалеко от нашей деревни в Зауралье. Это были несколько деревянных домиков и 750 гектаров пахотной земли, на месте которых сейчас пустырь (<http://zat.dalmatovo.su/ist-spravka>).

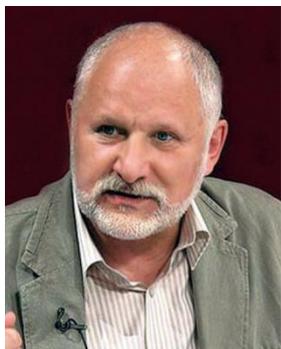
Проецируя опыт Трудового Братства на современную российскую действительность, В.Ю. Катасонов (2013) утверждает: «...До тех пор, пока в нашем обществе не возобладает христианская любовь, править им будут два основных отрицательных мотива действий человека – страх и корысть. Общество, которое зиждется на страхе, - тоталитарный режим. Общество, которое зиждется на корысти, - капитализм» (с. 380). Единственно спасительным для человека и общества является проект «христианского социализма».

Практическая реализация «святоотеческой» парадигмы в масштабах всей страны, по мнению В.Ю. Катасонова (2013), должна происходить «снизу» и постепенно. Он предлагает несколько последовательных шагов: (1) преодоление опасной тенденции скатывания нашей Церкви к «протестантской» парадигме; (2) формирование в сознании христиан идеи, что господствующий в России капитализм является антихристианской моделью; (3) создание христианских хозяйственных ячеек с учетом исторического опы-

та и подготовка условий для внедрения «святоотеческой» хозяйственной парадигмы в масштабах всей России. При этом он отмечает, что перспектива последнего – слишком отдаленная, чтобы о ней говорить конкретно.

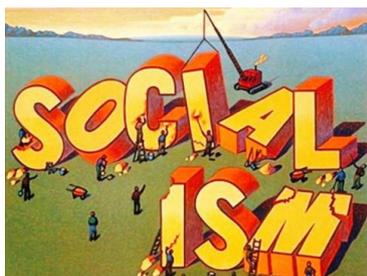
В качестве политических рекомендаций нынешнему правительству, которое В.Ю. Катасонов именуется «колониальной администрацией», он считает необходимым осуществить, как минимум, три шага: (1) государственный контроль Центробанка, являющегося сегодня филиалом Федеральной резервной системы США; (2) деофшоризация экономики и (3) контроль над трансграничным движением капиталов. Иными словами, необходимо введение мобилизационной модели экономики.

Созвучны сегодня взглядам П.А. Кропоткина и В.Ю. Катасонова высказывания профессора Степана Степановича Сулакшина, который реанимирует принцип социализма, считая, что он «...очень точно (с научной точки зрения) характеризует будущее человечества, очень точно характеризует принцип и природу самого целесообразного устройства жизни человеческого общества, государства, мирового сообщества людей. ... Социальность, кооперативность начались тогда, когда люди занялись разделением труда, социальным вспомоществованием, когда перешли от формул “война всех со всеми” и “человек человеку — волк” к формуле “человек человеку — друг, товарищ и брат”, к форме жизни по типу семьи, когда и слабый, и больной всё равно дорог и ценен. И если в семье сильный мужик тратит прибавочную стоимость на поддержание слабого и больного, то и в обществе, идущем вперёд, прогрессирующем, эволюционирующем к цели, должен появляться человек истинный, человек настоящий. В религии давно описали, что это за человек: коллективный, нестяжатель, любящий, рожающий, семью формирующий, стремящийся к идеалу, стремящийся к труду, а не к разбою, не к ренте, не к паразитизму, — вот цель и идеал, к которым должно идти человечество» (<http://rusrand.ru/ideas/socializm--ranenoe-slovo>).

Сулакшин Степан Степанович (род. в 1954 г.).

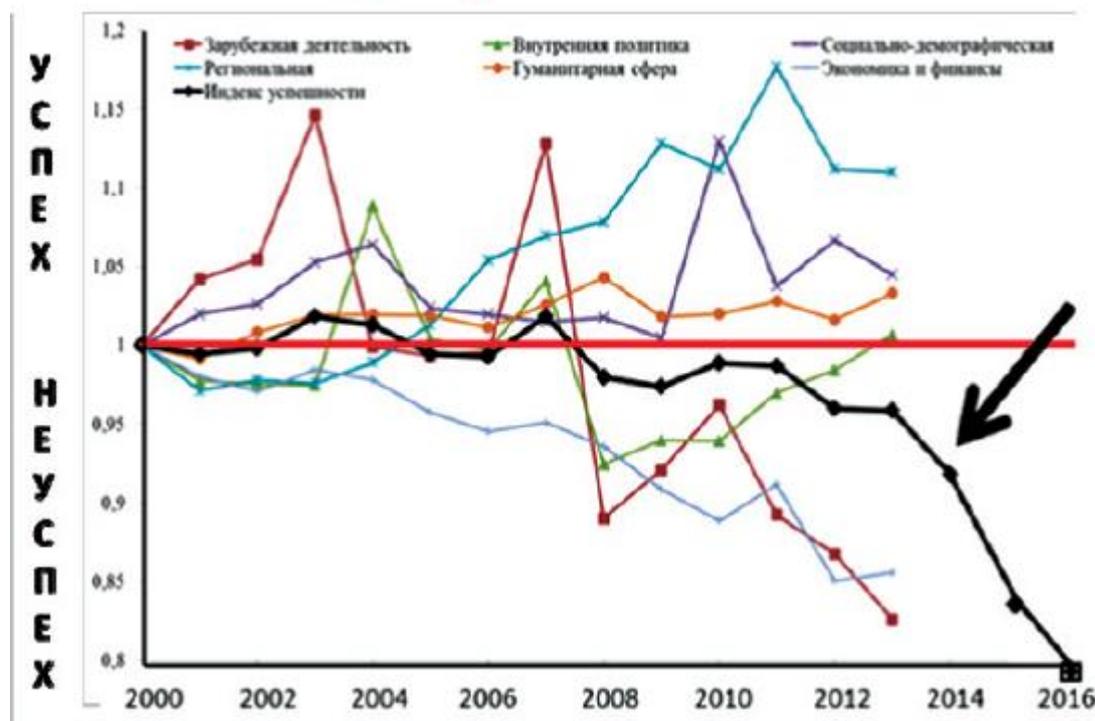
Но: «Социализм — слово раненое, слово, которое в истории было подвержено и гонениям, и диффамации, и дискредитации. ...Это слово израненное, слово потоптанное, слово измазанное». Почему? С.С. Сулакшин считает, что *при его реализации был допущен ряд ошибок*. Главная ошибка заключалась в том, что радикальные провозвестники строительства социального общества, социального государства, социализма тяготели к радикальным решениям. Главной ошибкой было решение, разорвавшее свободу и человеческую коллегиальность, кооперативность бытия. С одной стороны оказалась свобода, а с другой — социальная, кооперативная форма бытия. С одной стороны — индивидуализм, с другой — коллективизм. Было решено, что эти понятия антагонистичны, они противоречат друг другу. Поэтому свободу «порубили», ввели уравниловку. Это превратилось в фактор торможения, в фактор стагнации.

С.С. Сулакшин призывает к тому, чтобы были извлечены уроки из нашего прошлого, чтобы стало очевидным, что радикальные решения неправильны. А правильны решения, которые соединяют свободу человека и его ответственность за то, чтобы самому быть человеком и чтобы в коллективе, в народе, в стране и в мире мы сообща были бы людьми. Социальность нельзя противопоставлять свободе. *Идеологии есть всего три: социализм, либерализм и фашизм*. Либерализм по закону эволюции и по закону социального развития неизбежно переходит в фашизм. Поэтому наряду со словом «социализм», этим раненым словом,

есть ещё слова «нравственность», «справедливость». Будущее человека и человечества, как и содержание прогресса — это социализированное устройство. Это и есть некий концепт теоретической базы политической платформы и проекта Конституции будущей России (<http://rusrand.ru/ideas/socializm--ranenoe-slovo>). Сегодня страна деградирует (<http://rusrand.ru/actuals/chto-takoe-zastoy>).

Индекс успешности России

В условиях нынешней тотальной и прогрессирующей глобализации и либерализации позиции не только князя Кропоткина, но также В.Ю. Катасонова и С.С. Сулакшина, многим покажутся утопичными. Но история изобилует случаями, когда нетривиальная идея встречалась «в штывы» корифеями от науки. Будущий академик Юрий Иванович Журавлёв, взяв в качестве отправной точки теорию нечетких множеств Л.А. Заде (1974), в конце 1970-х разработал принципы алгебраической теории алгоритмов, которая с позиций классической математики выглядела полным бредом. Она позволяла решать задачи, подобные той, что бравый солдат Швейк задал медицинской комиссии: «Стоит четырехэтажный дом, в каждом этаже по восьми окон, на крыше два слуховых окна и две трубы, в каждом этаже по два квартиранта. А теперь скажите, господа, в каком году умерла у швейцара его бабушка?» (Гашек, 1957. С. 47).

Ознакомившись с теорией Ю.И. Журавлёва, наш ведущий кибернетик В.М. Глушков (1923-1982) назвал ее чистейшим шаманством, но все же дал свое «добро». Это как в «Гамлете» Уильяма Шекспира: «He may be mad, but there's method in his madness» (Хоть это и безумие, но в нем есть метод). А благодаря поддержке председателя Совмина А.Н. Косыгина теория «пошла в жизнь», и сегодня методами Ю.И. Журавлёва решаются важнейшие проблемы прогнозирования в экономике и многих других отраслях (Медведев, 2010).

Можно по-разному оценивать концепции П.А. Кропоткина, В.Ю. Катасонова и С.С. Сулакшина, но вот что заявил академик Ю.И. Журавлёв о будущем экономики после недавнего мирового кризиса: «Считаю, что это не просто кризис, а предвестник краха либеральной экономики и начало перехода к другому устройству мира. Нет, он не повернется к полному государственному регулированию, как при социализме. Будет

найден принципиально новый способ управления, отличающийся и от либерального, и от социалистического. Какой конкретно – сейчас не скажет никто. Это будет путь проб и ошибок с неотвратимыми серьезными катаклизмами, периодами спадов и подъемов...» (цит. по: Медведев, 2010). Но, может быть, именно методология Ю.И. Журавлёва, позволяющая решать «швейковские задачи», поможет найти выход из тупика нынешней глобальной экономики в условиях, когда времени на «путь проб и ошибок» уже не остается?

Список использованной литературы

Гашик Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. Свердловск: Книжное изд-во, 1957. 752 с.

Заде Л.А. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений // Математика сегодня (сборник переводных статей). М.: Знание, 1974. С. 5-49.

Баландин Р.К. Предисловие. Анархия – это свобода // Кропоткин П.А. Анархия: Сборник. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 5-45.

Катасонов В.Ю. О проценте ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». М.: НИИ школьных технологий, 2011. 304 с.

Катасонов В.Ю. Религия денег: Духовно-религиозные основы капитализма. М.: Кислород, 2013. 408 с.

Катасонов В.Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 656 с.

Кошкарров Д.А. Представительная власть в Зауралье: история и современность. Челябинск: АвтоГраф, 2009. 343 с. (http://msu45.ru/common/doc/about/history/15_years/chapter_1.pdf).

Кропоткин П.А. Государство и его роль в истории. М.: Изд. Московской Федерации Анархистских групп, 1917. 63 с.

Медведев Ю. Академик Юрий Журавлёв о прорывах в математике, «пятнах» в биографии и Серебряном веке // Российская газета. Федеральный выпуск. 2010. № 5082, 13 января.

Платонов О.А. Артель // Большая энциклопедия русского народа. «Русское хозяйство». М.: Институт русской цивилизации, 2006. 1136 с.

Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М.: Астрель, 2012. 480 с.

Рецензент статьи: профессор Уральского государственного лесотехнического университета, доктор с.-х. наук В.А. Азарёнок.